

Невзоров Александр
Глебович

26.6.95

ГРУБЫЙ ШОВ

УЖАСТИКИ

Миротворец Невзоров

кладбища, – но, пожалуй, сама будущая Россия, которой "в наши окаянные дни" роют могилу злые силы.

Что же это за силы? Не спешите. Всему свой черед. Мы ведь пока смотрим только первый акт этой захватывающей постановки. Сейчас главные действующие лица – жертвы. Ведь ни в страшных детских сказках, ни в стоящем триллере истинные носители зла не появляются сразу. Их присутствие поначалу лишь угадывается – а ощущение ужаса, кошмара все нарастает. Тут полагается в ход пустить спецэффекты, антураж, бутафорию соответствующую – по этой части Невзоров очень грамотен. Трупы – на все вкусы (простите невольную двусмысленность), муляж отрезанной руки, на которую нацелены вилка и нож, пробы, "черепушки" (как их любовно именует автор), бесконечные могильные плиты и кровь, кровь, кровь... А за кадром – зловащий голос произносит такой; например, текст: "Если выйти на Фонтанку, то слышно слабое, затаенное, но очень отчетливое чавканье. Это блистательное санкт-петербургское чиновничество доедает какого-нибудь бедо-

лагу..." Содрогнувшись, зритель, однако, соображает, что и чиновники, и убийцы, и негодяи-юристы, и даже депутаты, мелькнувшие в эпизодических ролях, – лишь винтики страшного механизма. Самых-то главных врагов России режиссер еще не выпустил на сцену. И уж после них, когда паника в зале достигнет критической точки, на подмостки выйдут те, кого Невзоров назначит на роли Спасителей Отечества. А вконец запуганная публика, вполне возможно, встретит их восторженными овациями.

Так, по логике вещей, должна была бы завершиться эта пьеса. Иначе зачем было затевать представление? Не только же ради демонстрации некрофильских наклонностей режиссера? Впрочем, и одно уже первое действие принесет немалые дивиденды депутату Невзорову. Можно сколько угодно иронизировать по поводу его постановок, где никогда не понять, что "реальщина" (невзоровское словцо), что фикция, можно перечислять все натяжки, логические провалы, подтасовки, некорректные выводы. Но наш трибун не работает на тех, кому нужна логика. Кликушество на Руси всегда имело почитателей, а уж в переломные моменты истории – и подавно. Только вот телевидения раньше не было, чтобы разом к миллионам обратиться. Но мы ведь так любим социальные эксперименты. Некоторые очень даже удаются.

Галина ЧЕРМЕНСКАЯ.

По материалам «Общей газеты».

Семь дней. –
1995. – 26 июня – 2 июля – 638

"Дикое поле" – это еженедельный как бы документальный триллер "самого скандального и самого известного репортера в России" (автохарактеристика). И – добавим – самого лукавого. Хитрит Александр Глебович, давая себе такую характеристику, занижает планку. Потому что репортером – действительно, знаменитым, блестящим, возможно, не имевшим себе равных, он был ох как давно, когда начинал "600 секунд", когда имел дело с фактом и только фактом, еще не претендуя на роль пламенного трибуна. Факты он и сейчас умеет отыскивать, как никто, – жуткие, шокирующие, сенсационные. Только вот отношения с ними у трибуна Невзорова совсем иные, чем у репортера Невзорова. Теперь они важны не сами по себе, а как элементы масштабного, эпического по замаху, действия, которому более, чем "Дикое поле", подошло бы название "Россия, кровью умытая" или что-нибудь в этом духе. И реальные люди – страдающие, обездоленные, отчаявшиеся – они в этом действе всего лишь статисты, играющие свои рольки, на равных с ряжеными, коих всегда хватает в невзоровских программах. И уже божь из притона, бессмысленно и тупо глядящий в камеру, – не просто опустившийся пьяница имярек, но – знамение времени. Русский человек, доведенный в конце XX века до скотского состояния. И "ангелоподобное" дитя, согласно мизансцене усаженное в недокопанную могилу и брещащее на маңдолине, – не просто девочка Тася, волею судьбы обреченная проживать на территории